

Матузов Н.И.

ПРАВО И ПОЛИТИКА: АНТИПОДЫ ИЛИ СОЮЗНИКИ?

Аннотация: Предмет исследования – право и политика в их соотношении и взаимодействии. Выясняется, при каких условиях право и политика могут плодотворно сотрудничать, выступать как естественные союзники, объективно необходимые друг другу для достижения общих целей. Одним из важнейших условий является то, что политика должна быть правовой, т.е. опираться на право, осуществляться в рамках и посредством права, не быть произвольной, волюнтаристской. В этой связи в статье дается краткая характеристика и определение понятия правовой политики как особой разновидности государственной политики, ее специфики, функций, принципов, назначения. В статье также на конкретных примерах и фактах показывается, при каких обстоятельствах право и политика выступают как антиподы, когда их цели и задачи не только не совпадают, а расходятся, противоречат друг другу. Методология исследования – с позиций материалистической диалектики автором используются общенаучные и частноправовые методы познания – исторический, логический, формально-юридический, конкретносоциологический, сравнительный, системный. Научная новизна заключается в выявлении факторов и предпосылок как позитивного взаимодействия права и политики, когда они выступают в качестве союзников, так и причин их конфронтации, когда они не находят «общего языка», не содействуют, а противостоят друг другу как антиподы. Автор приходит к выводу, что государственная политика должна быть прежде всего правовой, то есть оформляться и опираться на право, функционировать в пределах правового поля, использовать правовые средства. В противном случае она может утратить свою легитимность и трансформироваться в произвольные, волюнтаристские действия субъектов политики и в первую очередь тех, кто облечен властью.

Abstract: The object of studies concerns law and politics and their correlation and interaction. It is established in which conditions law and politics can cooperate successfully as natural allies, being objectively necessary for achieving their common goals. One of the most important conditions is that the politics has to be lawful, it should be based upon law, implemented within the framework of law and by the legal means, not to be abuse of discretion, or voluntarist by nature. That is why, the article provides brief characteristics and definition of definition of legal policy as a special type of state policy, its specific features, functions, principles and purpose. The article also provides specific examples and facts in order to show in which circumstances law and politics serve as antipodes, when their goals contradict each other, rather than coinciding. The methodology of studies is provided by the author from the standpoint of the materialistic dialectics, the author uses general and specific legal cognition methods – historical, logical, formal legal, specific sociological, comparative and systemic. The scientific novelty is due to uncovering the factors and prerequisites for the positive interaction between law and politics, when they serve as allies, and the reasons for their confrontation, when they fail to find the “common ground”, contradicting each other as antipodes. The author draws a conclusion that state policy should first of all be legal, it should function within the legal area, it should be legally formed and based upon law, using legal means. Otherwise, it may lose its legitimacy and transform into the voluntarist acts of the political subjects and of those holding power.

Ключевые слова: право, политика, причины, условия, интересы, сочетание, конфликт, противоречия, взаимодействие, соотношение.

Keywords: law, politics, causes, conditions, interests, combination, conflict, contradictions, interaction, correlation.

Вопрос о соотношении права и политики принадлежит к числу вечно актуальных и «остросюжетных». Вокруг него всегда велась жесткая полемика, в ходе которой ломались копыя, сталкивались аргументы и контраргументы, выяснялось, что «пер-

вично», а что «вторично», какой из двух феноменов имеет приоритет и т.д. Дискуссии продолжаются и сейчас, то затихая, то разгораясь вновь в зависимости от обстоятельств, причем это происходит не только в теории, но и на практике. До сих пор сказывается

инерция старого мышления – первенствует политика, а не право. В основе же всего и вся лежит экономика, хотя экономика тоже развивается под воздействием определенной политики.

Эти споры и разногласия объясняются тем, что политика и право наиболее непосредственным и чувствительным образом затрагивают интересы различных социальных групп, слоев, классов, партий, деловых кругов, правящих элит и, конечно, граждан. Их устремления, как правило, не совпадают, а чаще всего кардинально расходятся, что неизбежно отражается на содержании и роли названных институтов. Право и политика очень часто оказываются на пике общественных страстей, социальных катаклизмов, противостояний. В природе никогда не было и нет идеального права и идеальной политики. Право может быть в чем-то несправедливым, ограничивающим, в частности, свободу индивида, его «желания и хотения»; а политика тем более редко бывает мудрой, гуманной и всеми одобряемой. Так что известные расхождения здесь всегда остаются. Но противоречия и борьба в науке – это не всегда плохо. Академику П. Капице принадлежат слова: «Если в науке нет противоречий и дискуссий, значит, она движется на кладбище».

Между правом и политикой изначально не было и, вероятно, в принципе быть не может *полной гармонии*, но это не означает, что они обречены только на конфронтацию. Им вовсе не обязательно быть непримиримыми антиподами. Более того, у права и политики есть ряд общих свойств и предназначений – регулятивно-направляющее воздействие на социальную жизнь, происходящие в ней процессы; властные начала; отражение в праве некоторых совпадающих требований; в значительной мере единое поле действия и цели.

У них, пожалуй, больше соединяющих, чем разъединяющих граней. Ведь вся политическая анатомия цивилизованного общества так или иначе оформляется и закрепляется правом. Уже в этом заключается их органическая взаимосвязь. Еще И. Кант заметил: «Все максимы, которые нуждаются в публичности (чтобы достигнуть своей цели), согласуются и с правом, и с политикой»¹. Аристотель вообще считал, право политическим явлением, поскольку сущность права, по его мнению, предопределена политической природой человека. Из русских мыслителей Е.Н. Трубецкой также писал: «Само государство есть по своей сути правовая организация»². Выражение «правовое государство»

как нельзя лучше отражает эту мысль. Российские праведы и политологи, с аксиологической точки зрения, рассматривают правовые и политические ценности в их тесном единстве и взаимодействии, как равновеликие сущности³.

Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, право и политика находятся в постоянном противоборстве, а с другой, они – естественные союзники, ибо в известном смысле не могут успешно функционировать друг без друга. Диалектика взаимоотношений между ними сложна и противоречива. Марксистская теория исходила из того, что «все юридическое в основе своей имеет политическую природу» (Ф. Энгельс), что «закон есть мера политическая, есть политика» (В.И. Ленин). В свое время Е.Б. Пашуканис писал: «Мы за то, чтобы в праве на первом месте стояла политика, чтобы политика довлела над правом»⁴. Она и «довлела», особенно в 30-е годы.

Одни ученые считают, что право – явление «неполитизированное», по крайней мере оно таковым должно быть, ибо призвано служить более высоким целям, нежели цели политики. Другие полагают, что в праве всегда и неизбежно присутствует политическая составляющая. Но это – крайности, а есть и полутона, нюансы, пограничные состояния. Здесь был бы неверным ответ по принципу: или-или, да или нет. Выражаясь словами Гегеля, ни то, ни другое – и то, и другое.

Любопытны рассуждения на эту тему известного французского ученого-правоведа Пьера Сандевуара. Проблема взаимосвязей между правом и политикой, пишет он, до сих пор многими недооценивается. Это происходит по причине деликатности этой проблемы. По данному вопросу существует две теории. Согласно первой из них, политика подчинена или же должна быть подчинена праву, тогда как вторая настаивает на обратном. Объективно же трудно спорить с утверждением: во взаимоотношении права и политики последняя, как правило, доминирует. Но надо пойти дальше: право выступает не иначе как инструмент осуществления политики. Право может не только выражать политику и быть средством ее реализации, но и оказаться в полном подчинении политики, быть подавленным ею. Но превосходство политики над правом имеет свои пределы. При определенных условиях политика может и должна подавляться правом или, по крайней мере, подчиняться

³ См.: Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000.

⁴ Пашуканис Е.Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. 1930. №11/12. С.8.

¹ Кант И. К вечному миру. Соч. Т.6 ч.2. М., 1966. С. 286.

² Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 17.

праву, находиться в зависимости от него. Если политические руководители предпринимают какие-либо шаги вопреки праву, последнее будет проявляться путем ограничения их свободы действий, предотвращая их самоуправство, вскрывая их истинные намерения. Да, политика формирует право, но последнее, в свою очередь, реагирует на политику, внося в нее дисциплинирующий элемент и вынуждая политиков действовать открыто, справедливо и ответственно⁵.

Взаимодействие права и политики может быть вполне продуктивным, для этого нужно уметь всякий раз находить разумный баланс между ними. Такой баланс, как правило, достигается в том случае, если политика является *правовой*⁶. Сам термин «правовая политика» говорит о том, что оба феномена тесно сопряжены и вектор их развития един. Иными словами, они свойственными им методами выполняют одни и те же задачи. Если политика есть искусство возможного и целесообразного, то право – искусство добра и справедливости. Но эти их функции не противоречат друг другу.

Правовая политика – одна из разновидностей государственной политики, средство юридической легитимации политического курса страны, воли ее официальных лидеров и властных структур. Важнейшее свойство правовой политики – ее *нормативно-императивное содержание*. Этим она отличается от других видов политики.

Правовая политика потому и называется *правовой*, что она, **во-первых**, основывается на праве и связана с правом; **во-вторых**, осуществляется правовыми методами; **в-третьих**, охватывает главным образом правовую сферу деятельности; **в-четвертых**, опирается, когда это необходимо, на легальное принуждение; **в-пятых**, является публичной, официальной; **в-шестых**, отличается нормативно-организуемыми началами.

Во всех случаях право выступает базовым и центрирующим элементом этой политики. «Специфика правовой политики по сравнению с иными видами политики состоит в том, что она всегда предполагает

использование методов правового регулирования⁷. Другими словами – не волевых, не авторитарных и тем более не силовых, а именно *правовых*.

Можно сформулировать следующие принципы правовой политики: 1) социальная обусловленность; 2) научная обоснованность; 3) устойчивость и предсказуемость; 4) легитимность, демократический характер; 5) гуманность, нравственные начала; 6) справедливость; 7) гласность, открытость; 8) сочетание интересов личности и государства; 9) приоритетность прав и свобод человека; 10) соответствие международным стандартам.

Разумеется, все эти принципы тесно переплетены. Но в данном случае следует особо подчеркнуть принцип реализма, ибо наше общество поражено сегодня не только правовым нигилизмом, но и правовым идеализмом, то есть несоответствием амбициозных целей и программ реальным возможностям; люди постоянно сталкиваются с пустыми обещаниями, ничем не подкрепленными законами, популизмом; ускоренным правотворчеством⁸.

Правовая политика – наиболее приемлемая, разумная, эффективная и цивилизованная форма руководства обществом в условиях построения правового государства, свободных экономических и политических отношений. Она должна быть плодом рационального правового мышления, прогрессивных правовых идей, развитого правосознания и высокой юридической культуры. В данном контексте лозунг «За демократию через право» глубоко конструктивен.

Надо сказать, что по большому счету любая разумная политика должна быть априори правовой – в том смысле, что призвана соответствовать законам, юридическим нормам, находиться в правовом поле, соответствовать общепринятым международным стандартам, идеям прав и свобод человека. В противном случае она рано или поздно превращается в произвол, своеволие, диктат. Политика не может быть антиправовой или тем более противоправной, точно так же, как и власть.

М.А. Краснов удачно назвал право «клеткой для власти»⁹. Да, именно правовая клетка призвана сковывать, удерживать власть от произвола и силовых рефлексов, ибо она (власть) имеет тенденцию к выходу из-под всякого контроля, юридических ограничений,

⁵ См.: Сандевуар П. Введение в право. Пер. с франц. М., 1994. С. 61–64.

⁶ Об особенностях правовой политики см. подробнее: Матузов Н.И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право. 2001. №10; Правовая политика России. Теория и практика / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., изд-во «Проспект», 2006; Малько А.В. Теория правовой политики. М., изд-во «Юрлитинформ», 2012.

⁷ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С.163.

⁸ См. подробнее: Матузов Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. №3; *он же*. В плену правового идеализма // История. Право. Политика. 2011, №2.

⁹ См.: Краснов М.А. Ответственность власти. М., 1997. С.187.

связанности, подчинения определенным правилам. А право, законы, должны вводить ее в рамки, «ставить на место», призывать (принуждать) к самоограничению и справедливости, удерживать в границах правового поля. Именно поэтому, как пишет И.Ю. Козлихин, «право должно держать известную дистанцию по отношению к власти и политике»¹⁰. Если власть и идет на уступки праву, идеям права, то весьма неохотно, как правило, вынужденно.

Право и политика должны подкреплять друг друга. Право есть способ легитимации и вместе с тем форма выражения и осуществления политики, а политика через институты власти и закона гарантирует определенную меру свободы и ответственности личности, ее права, интересы.

Но политика может выполнять свою позитивную роль лишь в том случае, если она представляет собой систему определенных ценностей¹¹, а не систему роковых ошибок, субъективно-конъюнктурных решений и непросчитанных шагов. Также и право призвано быть важнейшим элементом демократии, условием нормального функционирования гражданского общества, а не только средством принудительной регуляции социальных отношений. Право и политика взаимозависимы и взаимообусловлены. Это – объективная данность, как бы мы ни трактовали указанные явления.

Надо сказать, что проблема сочетания права и политики привлекает в последнее время к себе пристальное внимание ученых, как юристов, так и политологов. Появились ценные публикации¹². Этот повышенный интерес объясняется тем, что в современных условиях резко возросла как роль права, правовых институтов, так и политики, политического сознания. Общество нуждается в усилении организующих начал, более четких ориентирах развития. Между тем многие аспекты взаимодействия права и политики остаются слабо разработанными, требуют дальнейшего осмысления и исследования.

В теоретическом плане соотношение права и политики во многом зависит от того, как трактуется право. В науке давно сложились две основные концепции правопонимания. Согласно первой из них, право есть прежде всего система установленных либо санкцио-

нированных государством юридических норм, закрепленных в законах и иных нормативных актах. Это *писаное, институциональное право*, представляющее собой известное позитивистское направление в правоведении. Согласно второй концепции, право – это не только и не столько властные нормы, сколько в первую очередь основополагающие правовые идеи – идеи свободы, нравственности, гуманизма, справедливости и другие высокие ценности. Это *неписаное, «идеальное» право*, источником которого в конечном счете служит естественно-правовая доктрина.

Не будем здесь подробно вдаваться в суть этих концепций и оценивать их с точки зрения обоснованности или необоснованности. Обе они имеют право на существование. Отметим лишь, что наиболее тесное и продуктивное взаимодействие права и политики может быть достигнуто только в рамках первой концепции, причем не только в области аналитики, но и (что особенно важно) – практики. Поэтому в данной статье автор придерживается в основном нормативного понимания права, имея в виду, что эти нормы – демократические, научно обоснованные, выражают объективные потребности развития общества, интересы граждан.

Да и вообще при всех различиях в трактовке права никто не исключает из его содержания нормы, ибо, как полагал еще И.А. Ильин, любой подход к понятию права опирается в понятие нормы. Он писал, что «если есть какой-нибудь тезис, который мог бы рассчитывать на безусловное признание его среди юристов, то это тезис, утверждающий, что право есть норма или совокупность норм. Юрист, который не согласился бы признать это положение, наверное, поверг бы всех в изумление»¹³.

Однако и при широком понимании права связь его с политикой так или иначе просматривается. Ведь политические и правовые идеи тесно переплетены. Более того, во многих случаях их трудно разделить; в чистом виде они, пожалуй, и не существуют. Вовсе не случайно в юридических вузах на протяжении длительного времени читается курс «История правовых и политических учений». Союз «и» говорит здесь сам за себя. Важнейшие политические (государственные) решения принимаются, как правило, под влиянием соответствующих политико-правовых идей и доктрин.

Общеизвестно, что право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества. Право детерминировано также многими другими факторами – социальными, политическими, моральными, национальными, религиозными

¹⁰ Козлихин И.Ю. Право и политика. СПб., 1996. С. 10.

¹¹ См. подробнее: Демидов А.И. Мир политических ценностей // Правоведение. 1997. №4.

¹² См.: Козлихин И.Ю. Право и политика. СПб., 1996; Мальцев Г.В. Право и политика в контексте теории власти. М., 1997; Автономов А.С. Правовая онтология политики. М., 1999; Хеффе О. Политика. Право. Справедливость / Пер. с нем. М., 1994.

¹³ Ильин И.А. Собр. соч. в 4-х томах. М., 1994. Т.4. С.16.

и т.д. Еще С.А. Котляревский обратил внимание на «правообразующую силу факта, когда необходимость сама рождает право»¹⁴. С другой стороны, «Право как инструмент власти, а тем более как нечто, исходящее от правителей, равно произволу»¹⁵.

Из сказанного следует, что нормативный характер права тоже можно понимать по-разному. Недостаток этой концепции состоит в том, что право слишком жестко и однозначно привязывается к государству, его воле. Между тем, государство не является единственным творцом права. Огромная масса юридических норм создается негосударственными структурами (делегированное правотворчество), многие правила поведения возникают и существуют в недрах самой жизни (обычаи, традиции, мораль), а государство лишь санкционирует их, придавая им юридическую силу. Есть судебные и иные прецеденты, нормативные договоры, акты местного самоуправления.

Наконец, основополагающие нормы Конституции, имеющие учредительную природу, принимаются на референдуме непосредственно населением, то есть исходят не от государства, а от народа – единственного и абсолютного источника власти. Это значит, что право формируется не только «сверху», но и «снизу». Но в любом случае право нормативно как явление, независимо от форм его выражения.

Соотношение права и политики не остается неизменным, раз навсегда данным, оно зависит от многих факторов: социальной природы общества, степени его демократичности, цивилизованности; уровня правосознания, юридической культуры; состояния законности и правопорядка, прав человека; устройства власти, типа политического режима и т.д. Это соотношение может быть различным на разных этапах развития общества, например, в предреволюционные, революционные и постреволюционные периоды, в процессе его реформирования.

Именно так и происходило в России на протяжении минувшего столетия – социальные катаклизмы сменялись более спокойными фазами «движения по спирали». Но и в этих промежутках могут быть всплески политико-правовой активности, а затем их угасание. Словом, это соотношение всегда отвечало «вызовам времени». Взаимная борьба права и политики шла с «переменным успехом». Гласность, перестройка, шоковая терапия, свобода без границ, безбрежная де-

мократия, разного рода беспределы, состояния хаоса и неуправляемости, а еще раньше репрессии – все эти «этапы большого пути» по-разному высвечивали, а по сути определяли соотношение права и политики.

В истории нашей страны были моменты, когда право отодвигалось на второй план, а то и вообще отбрасывалось, оказывалось ненужным. Бал правила политика, точнее – сила. Причем это относится и к новейшему времени. Вместе с тем само право, законы, юридические процедуры и учреждения могут использоваться как инструменты в политических целях. И.А. Ильин писал: «По своему объективному назначению право есть орудие порядка, мира и братства; в осуществлении же оно слишком часто прикрывает собой ложь и насилие, тягание и раздор, бунт и войну»¹⁶. Значит, проблема заключается в «осуществлении», «эксплуатации» права. Само по себе (объективно) право несет в себе позитивный заряд (мир, порядок, добро). Но весь вопрос в том, в чьих руках оно находится и в каких целях используется. Если даже в неблагоприятных целях (раздор, тягание и протест), то виновато не право (оно как бы нейтрально), а тот, кто им владеет и пускает в ход. Как говорится, автомат не виноват. Вообще, в России никогда не было проблем с идеями, проблемы возникали с их реализацией.

Р. Иеринг также указывал: «Ужасное беззаконие может вершиться под видом права над самим правом»¹⁷. Известна кантовская мысль о том, что «право может служить как средством ограничения произвола, так и средством поправки свободы человека»¹⁸. И. Кант в трактате «К вечному миру» не без иронии допускал возможность построения правового порядка в «обществе дьяволов». Шарль Монтескье в своем знаменитом труде «О духе законов» указывал: «Самая жестокая тирания – та, что выступает под сенью законности и справедливости»¹⁹. Действительно, в период, например, сталинских репрессий у нас громко звучал лозунг борьбы за укрепление социалистической законности и борьбы с врагами народа. Одно не мешало другому. Практические юристы нередко сравнивают право со спичками, с помощью которых можно и костер разжечь, и дом поджечь. Следовательно, могут быть не только «неправовые законы», но и, так сказать, «неправовое право», ибо правом нередко злоупотребляют. Мыслим и своего рода «правовой беспредел».

¹⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 225.

¹⁷ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 225.

¹⁸ Кант И. Соч. Т. 4. Ч.2. М., 1965. С. 140.

¹⁹ Монтескье Ш. О духе законов. М., 1956. С.147.

¹⁴ Котляревский С.А. Власть и право. СПб., 2001. С.320.

¹⁵ Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах. Сборник статей по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899. С.112.

Сегодня стране нужна сильная, дееспособная власть. Но не менее, а может быть, более ей нужны сильные, эффективные, справедливые законы, которые бы все соблюдали и которые бы связывали, «держали в границах порядка» саму власть, если вести речь о правовой государственности, гражданском обществе. В этом должен заключаться смысл юридической политики. Право всегда предполагает принудительный момент, оно должно опираться на твердую, легитимную, авторитетную власть. С другой стороны, власть, официальная политика призваны уважать и защищать право, использовать его возможности в конструктивном духе.

Исторически власть и право всегда шли рядом, тесно взаимодействуя между собой. Известно, что власть, не ограниченная правом, опасна; право, не обеспеченное властью, бессильно. Указанные начала коррелятивны и взаимообусловлены. Самое нежелательное для права – это когда ему не на что опереться, нечем подкрепить свои императивы. А самое непозволительное для политики – когда она становится неправовой, самоуправной, волюнтаристской.

В идеале право должно иметь приоритет (или даже господство) над политикой, властью, государством. На деле же в России этого пока не происходит и в ближайшей перспективе вряд ли произойдет. В настоящее время в отечественной литературе отмечаются три возможные модели «субординации» между названными феноменами – *тоталитарно-этактистская*, *либерально-демократическая* и *прагматическая*. Согласно первой из них государство со всеми его атрибутами выше права и им не связано. Эта модель для новой России не подходит, ибо она есть модель вчерашнего дня. Она уже испытана, результаты известны. Вторая исходит из того, что право выше государства, господствует над ним, связывает и ограничивает его. Эта модель, как уже сказано, выражает идеал, который сегодня недостижим. К нему общество должно стремиться как конечной цели. Третья модель более реалистична: государство создает право, но считает себя связанным им, подчиняется ему, то есть самоограничивается во имя общего блага. Вот этой модели российскому обществу, по-видимому, и следует придерживаться как более предпочтительной по сравнению с другими и практически осуществимой в текущий период.

Задача заключается в том, чтобы «заставить», «принудить» власть уважать и соблюдать собственные законы, которые, в свою очередь, должны быть социально и научно обоснованными, адекватно выражающими насущные потребности людей. Именно в этом направ-

лении необходимо постепенно продвигаться все дальше и дальше по пути к подлинно правовой государственности, когда наступит, как мечтает И.Ю. Козлихин, «правление права»²⁰.

Взаимосвязь права и политики имеет множество аспектов, как в теоретическом плане, так и в практическом. Причем политикой в разной степени «окрашиваются» так же и производные от права явления, по существу все элементы правовой системы, которая создается не вопреки политической воле и желанию государственной власти, а в соответствии с ними. В частности, влиянию политики подвержена и вся деятельность правоохранительных органов.

В данном контексте не совсем корректными выглядят постоянные «заклинания» работников юридической сферы (судей, прокуроров, следователей, адвокатов, налоговиков, представителей спецслужб) о том, что они априори, «вне политики», «не интересуются политикой», «не играют в политику», «держатся подальше от политики» и т.д. Дистанцирование от политики стало своего рода модой, признаком «хорошего тона». Однако в этих настойчивых заверениях присутствует изрядная доля лукавства, ибо отрешивание от политики есть тоже политика. Не зря говорят: если вы не будете заниматься политикой, то политика займется вами. Так оно чаще всего и происходит. Указанные госчиновники объективно оказывают вовлеченными в те политические процессы и события, которые происходят в стране.

Стражи порядка, борясь с преступностью, экстремизмом и терроризмом, на деле реализуют государственную политику, претворяют в жизнь те юридические предписания, законы, в которых выражена политическая воля государства. Они – проводники этой воли. Кроме того, они вместе с Вооруженными силами, которые, кстати, тоже нередко объявляют себя вне политики, участвуют в «политических разборках», в «наведении конституционного порядка», в переделе собственности, других силовых акциях.

Если под «неполитизированностью» понимать недопустимость участия работников правоохранительных и судебных органов в митингах и демонстрациях, пикетах и протестах; невозможность членства в политических партиях и движениях; выступления с политическими высказываниями и заявлениями, то это верно. Если же под неучастием в политике подразумевается некая абсолютная отстраненность от политики вообще и государственной в частности; нахождение в некоем

²⁰ Козлихин И.Ю. Указ.соч. С.10–35.

политическом вакууме, то это неправильно. Служение закону есть служение государству, его политике, интересам народа. Соблазн объявлять себя вне политики велик, но он, как правило, оказывается мнимым.

Власть вне политики – абсурд. Например, Конституционный Суд постоянно декларирует свою «аполитичность». Однако этот важнейший орган – составная часть (ветвь) государственной власти и в качестве таковой олицетворяет и осуществляет ее политику. Иначе и быть не может. Тот факт, что высокие судьи не участвуют в митингах, еще не означает, что они вне политики. Все решения КС, будучи по своей природе юридическими, неизбежно приобретают также и политическое значение. А некоторые из них – ярко выраженное.

Лобовое столкновение права и политики произошло в постсоветской России осенью 1993 г. (разгон парламента, расстрел Белого дома, пролитая кровь). Накануне этих событий в прессе усиленно развенчивались такие понятия, как «формальная законность», «конституционность», «юридические гарантии», «правопорядок», «парламентаризм», «депутатство» и даже принципы правового государства, которые тогда кое-кому стали сильно мешать. Правом были объявлены «демократические ценности» и некие абстрактные идеалы свободы и справедливости, то есть, по меткому замечанию упомянутого выше П. Сандевуара, «собранием норм “доброй воли”, которые можно соблюдать или игнорировать в соответствии с личным желанием»²¹. Вооруженный таким пониманием права, Ельцин и пошел на штурм демократически избранного, законного, но «нехорошего» и непослушного парламента.

В его печально знаменитом Указе №1400 от 21 сентября 1993 г., который послужил детонатором или спусковым механизмом для всех последующих событий, так прямо и говорилось: «Существуют более высокие ценности, нежели формальное следование противоречивым юридическим нормам, изданным законодательной властью». Этот тезис затем переключал в первое президентское Послание Федеральному Собранию: «Критерием правовой оценки любого политика, политической организации, любого государственного института должны стать демократические ценности». Как видим, не закон и не право (пусть даже «неписаное»), а вообще неюридический критерий. При таком понимании права невозможно обеспечить даже элементарный правопорядок в обществе. Это была голая, волюнтаристская политика. В разгар «демокра-

туры» все ломалось «через колено». Право в любой его интерпретации терпело фиаско.

Объективная правовая оценка событиям осени 1993 года была дана «по горячим следам» известными российскими юристами и политологами. Так, В.Н. Кудрявцев писал, что деятельность парламента была прекращена вопреки тексту Конституции. «И здесь сразу возник острый политический вопрос о расхождении закона и права. Можно ли юридически оправдать действия Президента? Новая теория быстро нашла выход: Конституция – это “плохой закон” и есть некое хорошее, подлинное право, которое стоит выше всяких законов. Понятно, что политическая ситуация была тогда экстремальной. ... Но допустимо ли и в такой ситуации ссылаться на “интуитивное”, “высшее”, “идеальное” право, которое никак не выражено и не закреплено нигде, и противопоставлять его имевшимся законам? Думается, что такие ссылки недопустимы. ... Если сегодня можно отложить в сторону Конституцию, то завтра – Уголовный кодекс»²².

Аналогичная оценка названным событиям была дана другим авторитетным российским правоведом – Ю.А. Тихомировым: «В период пика конституционного кризиса оправданием Указа №1400 стали аргументы типа «ответа на юридический произвол». Появились утверждения, что даже идея правового государства становится опасной, если соблюдается только его формальная сторона. Указ продемонстрировал, какова реальная точка отсчета предпринятых действий – конституционная законность или *политическая целесообразность* (выделено нами – Н.М.). Была разрушена единая база нормативной общеобязательности. Всем был дан повод игнорировать закон, у граждан формируются мотивы правового нигилизма»²³.

Известна позиция Конституционного Суда в его прежнем составе – он признал Указ №1400 *неконституционным* и тем самым попытался отстоять право и закон, их верховенство по отношению к политике. Однако эти попытки не увенчались успехом. Более того, деятельность самого Суда была заблокирована (приостановлена) как якобы излишне политизированная. Он сам оказался жертвой конфликта. Защитникам идей Конституции и парламентаризма сказали: пишите новый закон о Конституционном Суде – этот нам не нравится.

²² Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. №3. С. 4–5.

²³ Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. 1994. №1. С. 3–6.

²¹ Сандевуар П. Введение в право. Пер. с фр. М., 1994. С. 63.

Из нового «хорошего», «неполитического» закона была изъята даже такая безобидная, но крайне полезная, на наш взгляд, норма, согласно которой Конституционный Суд должен был выступать с ежегодным посланием о состоянии законности в стране. Интересно, почему? Кому помешала? Видимо, исполнительной власти. Конституционный Суд лишили также возможности по собственной инициативе ставить вопросы, связанные с грубым нарушением Основного Закона страны, произволом власти, несоблюдением прав человека и т.д.

Такое вот «измерение» права политикой. А ведь, по мнению многих аналитиков тех событий, были реальные пути мирного разрешения конфликта. Надо было искать компромисс, идти на переговоры, взаимоступки, проявлять терпимость, находясь при этом в правовом пространстве. Ибо именно «право указывает людям объективно лучшее поведение»²⁴. Надо было совместить право и политику, согласовать их позиции. Не раз говорилось: нам нужна мудрая законодательная власть, сильная исполнительная и независимая судебная. Общим полем для их взаимодействия призвано выступать право.

Политолог А. Кива в порядке «разбора полетов» писал: «Можно ли было избежать, не допустить событий октября 1993 года? Безусловно, можно. Но для этого Ельцин должен быть другим. Более гибким, компромиссным, образованным, менее капризным, тщеславным, более терпимым, патриотичным, да, наверное, и более талантливым». А. Кива характеризует Ельцина как человека без царя в голове (хотя и мнил себя царем – Н.М.), однолинейного, мало в чем компетентного. Ему позарез не доставало не только экономического, но и социального, исторического, правового знания; он даже не понимал принципов функционирования демократии²⁵. Зато был маниакально властолюбив. По данному поводу журналисты острили: «У него была одна, но пламенная страсть – это власть». По мнению А.С. Ципко, «российская либеральная интеллигенция использовала Ельцина как таран для пробивания стен аппаратного кремля. Он был нужен ей как средство и не более того»²⁶.

Следует сказать, что лидеры политического переворота 1993 г. взяли на свое вооружение и удачно

«обыграли» одну из теоретических конструкций, существующих в юридической науке, а именно идею о различении права и закона. То, что право и закон не одно и то же, – бесспорная истина. Хотя бы уже потому, что закон есть лишь одна из форм выражения права. Но излишнее противопоставление этих понятий, «доведенное до крайних пределов», на практике нередко приводит, как показано выше, к весьма плачевным последствиям.

Критерии между «правовыми» и «неправовыми» законами весьма зыбки, размыты, что создает неограниченный простор для субъективных выводов. Ведь, как известно, содержание и форма любого явления неразрывны. Опасность противопоставления права и закона в том и заключается, что с помощью этой теории можно оправдать любые противозаконные действия, объявив закон «неправовым». Злоупотребляют не только законами, но и правом, идеями права. В этом смысле может быть не только «неправовой» закон, но и, так сказать, «неправовое» право.

Кто бы мог подумать, что безобидная на первый взгляд концепция об «упречных», «плохих» законах и «непогрешимом», «истинном», «подлинном» праве («демократических ценностях») будет на всю катушку использована в острейшей политической схватке для обоснования одной из конфликтующих сторон своей «правоты». Последствия известны – была пролита кровь.

Выдвинутая как вполне корректная научная идея, она затем постепенно приспособливалась к определенным политическим и идеологическим целям, текущему моменту, трансформировалась в слишком жесткое и неоправданное противостояние права и закона, что объективно дало в руки властвовавших тогда лиц такой желанный и необходимый теоретический козырь.

Искушение пойти против закона стоит очень дорого. Сегодня для всех очевидно, что коллизию надо было разрешать *в рамках права, через право, посредством права*, не противопоставляемого закону, нравственности, справедливости, «демократическим ценностям», Конституции. К этому следует добавить искусство компромисса, диалога, учета интересов страны, поиск общего знаменателя. Получилось же иначе: антиправовые действия совершила сама власть. Право с позором отступило, потерпело сокрушительное поражение.

Механизмы снятия любых конфликтов, даже самых острых, должны быть *правовыми, а не силовыми*. Это единственно возможная и продуктивная в наше время правовая политика. Альтернативы ей нет. Жизнь показала: «демократическая целесообразность» ничуть

²⁴ Ильин И.А. Указ. соч. С. 191.

²⁵ См.: Кива А. «По ком звонит колокол» // Парламентская газета. 2000. 6 окт.

²⁶ Ципко А.С. Большевизм на новый лад // Независимая газета. 2013. 7 октября.

не лучше всякой иной, а действия вне правового поля также рискованны, как и на минном поле.

Право (и это – аксиома) не исключает силового начала, но только в рамках легитимности и соответствующих процедур. «Право, – писал П.И. Новгородцев, – не может быть без силы, которая его поддерживает; но, с другой стороны, и сила не может существовать без права, ее ограничивающего»²⁷. Власть без права опасна, право без власти бессильно. Это корреляционные понятия. Но вопрос об их балансе и взаимодействии сложный.

Характерны в этом отношении высказывания нынешнего Председателя Конституционного Суда, относящиеся к 1996 году: «Россия должна развиваться по праву, то есть, в рамках “флажков”, за которыми следит судья. Иначе с приходом каждого нового правителя – “флажки” прочь, игра смазывается, устанавливаются свои правила по принципу “я так хочу”. Разве общество пойдет за своими вождями, тем более трудной дорогой, если вожди создают для себя иные правила, чем для остальных?»²⁸ Подгонка права под политическую ситуацию недопустима и опасна.

Позже В.Д. Зорькин признавался: «От меня требовали “широкого” понимания права, подразумевая под этим признание действий Ельцина соответствующими “духу”, а не букве Конституции». На это глава высшей судебной власти еще в разгар политического кризиса в декабре 1992 г., когда шли пока только словесные баталии между Президентом и руководством Верховного Совета, ответил: «Не умеете эту Конституцию соблюдать, вам и новая не поможет»²⁹. Так оно и произошло. История все расставляет по своим местам.

А недавно В.Д. Зорькин снова заявил: именно этим, то есть, преданностью идеям права, «была обоснована моя позиция осенью 1993 года». При этом он подчеркнул: «Любое общество в конечном счете не может быть синхронизировано никаким высшим принципом, кроме права. Я не вижу никакой великой идеи, которая может заменить собою право, спасая мир от низвержения в бездну»³⁰. Наконец, в последней статье председатель Конституционного Суда еще раз напомнил, что «в 1993 году в угоду наивульгарнейшим клановым интересам был растоптан дух права. И те,

кто его растаптывал, цинично рассуждали по поводу правовых форм, утверждая, что это растаптывание осуществляется во имя того, чтобы утвердить новую правовую форму, она же Конституция»³¹.

Тогда возникла ситуация «двойного права» – права, которое «нам нужно», и права, которое «нам чуждо». Коллизия коснулась и самого Конституционного Суда – это не тот суд, который «нам нужен», ибо он слишком активно «занимался политикой». Право и политика находились в глубокой конфронтации, стояли по разные стороны баррикад, то есть, выступали как антиподы. Причем право, законы явно терпели поражение, побеждали политика и целесообразность. Обо всех перипетиях тех дней подробно рассказано В.Б. Исаковым, который оказался в гуще происходивших событий³².

Попытки утвердить демократию вне права, законности, нормативного порядка недопустимы и порочны в своей основе, ибо это означает рецидивы неолевизма или даже просто большевизма. Уже на закате «эры» Ельцина пресса писала: «Временами мятущийся, он (Ельцин – Н.М.) принимал страшные решения, не разбирая грани между президентским долгом, ошибкой и преступлением»³³. Он шел напролом, как бульдозер, сметая всё на своем пути, к вершинам власти.

У многих на память державные фразы, которые бывший глава государства, не терпящий никаких возражений, бросал на ходу с металлом в голосе: «Как я сказал, так и будет», «Мне в этой стране судить, что конституционно, а что нет», «Госдума – ноль», «Я не судья, я выше, чем судья», «Я – боец», «Надо двинуть, врезать, дать сдачи», «Не так сидите» и др. Как видим, перед нами не правовой, а авторитарно-волевой стиль «руководства», одержимость, упоение властью³⁴.

Думается, бывшему российскому лидеру была неведома формула римских юристов: государством должен править закон, закон выше любой должности. Во многом это связано с известными особенностями характера экс-президента (безмерное властолюбие, тщеславие, нетерпимость, импульсивность, непредсказуемость). В определенном смысле после его ухода необходима была срочная «деельцинизация» страны, то есть, установление нормального правового управления государством. Кстати, заметим, что из рук Ельцина отказались в свое

²⁷ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1902. С. 12.

²⁸ Зорькин В.Д. Жить по праву // Советская Россия. 1996. 15 окт.

²⁹ Цит. по: Вишневский Б. Экс-председатель Конституционного Суда // НГ. 1998. 31 марта.

³⁰ Зорькин В.Д. Цивилизация права // Российская газета. 2014. 13 марта.

³¹ Зорькин В.Д. Tabula rasa // Российская газета. 2014. 8 апр.

³² См.: Исаков В.Б. Госпереворот. М., 1995; см. также: Лучин В.О. «Указное право» в России. М., 1996.

³³ Федотов М. Ельцин уходит в историю // Известия. 1998. 24 июля.

³⁴ См. об этом подробнее: Валовой Д.В. Ослепленные властью. М., 2002.

время принять награды академик Трофимук, писатели Бондарев и Солженицын, генерал Рохлин.

Может возникнуть вопрос: зачем ворошить прошлое? Это – пройденный этап. Ответ прост: затем, чтобы извлечь уроки, не допускать впредь трагических ошибок, кровавой конфронтации, своеволия. Нынешний лидер России, кажется, лишен (по крайней мере, внешне) болезненных амбиций и честолюбия, не конфликтует с парламентом, «зловредными» депутатами. Все тогда почувствовали, что к власти пришел умный, грамотный, образованный, а главное – национально мыслящий человек. Все это, конечно, не означает, что во взаимоотношениях права и политики, различных ветвей власти воцарилась полная идиллия. До гармонии пока еще далеко.

На практике, как уже отмечалось, излишнее отдаление понятий «право» и «закон» друг от друга, искусственный разрыв между ними, возвеличивание одного и умаление другого, как правило, приводят к негативным последствиям, ибо затрагивают интересы различных политических групп, партий, властных структур. Что и произошло, повторяем, во время известных событий осени 1993 г. Да и в последующий период «шалых» реформ право и политика нередко резко конфликтовали, не находили общего языка.

Наблюдались попытки политиков использовать некоторые выводы и позиции ученых-правоведов для достижения собственных целей, извлечь из определенных теоретических постулатов свою выгоду в борьбе между собой. Аргументы в пользу более высокой миссии «неписаного» права по сравнению с «писанным», сыгравшие некогда определенную позитивную роль в преодолении наследия Вышинского, сегодня заметно ослабли и в прагматическом плане утратили свою убедительность. Они привели к известным крайностям, преувеличениям. Была нарушена некая мера. Этот перекос необходимо до конца исправить, так как дальнейшее развенчание законов («писаного права») становится все более опасной тенденцией. Подспудно создается некий «негативный образ» закона.

Между тем в нынешних условиях важно не принижение законов, не развенчание их как якобы второстепенных, сплошь «неправовых» и потому необязательных, а настойчивое формирование представлений о них как выразителях и носителях подлинно правовых идей и ценностей, хотя несовершенные или просто неудачные законы, разумеется, могут быть. Нужно не противопоставление естественных прав человека и законов (положительного права), а их органическое сочетание и взаимодействие.

Появились работы, которые одним своим названием утверждают эту истину³⁵.

И.А. Ильин писал: «Основная задача положительного права состоит в том, чтобы принять в себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление и, далее, проникнуть в сознание и к воле людей, в качестве авторитетного связующего веления... Положительное право есть целесообразная форма поддержания естественного права»³⁶.

Как уже отмечалось, в современных условиях объективно возрастает как роль права, так и роль политики, но политика все же опережает право, поскольку она более активна и динамична, способна определять правовое развитие страны, пути совершенствования самого права, юридической системы, законодательства. Такова особенность политики – она первенствует даже по отношению к экономике. Право же, напротив, «консервативно», постоянно отстает от стремительно меняющихся условий. В то же время оно становится все более востребованным и необходимым.

Но характер взаимоотношений права и политики сложнее. В реальной жизни они выступают в самых различных сочетаниях и проявлениях, особенно в кризисные, нестабильные моменты. К тому же они тесно переплетаются с другими явлениями, в том числе аномальными, негативными. В чистом виде право и политика никогда не существуют и не функционируют, но чаще всего они находятся в состоянии противоречий, «борьбы противоположностей». Российская политико-правовая жизнь претерпела за последние двадцать лет многочисленные метаморфозы. Она не избавилась от них полностью до сих пор.

Например, любопытный сплав законотворчества, политики, лоббизма, коррупции, «подковерной борьбы», хитроумных фракционно-партийных комбинаций можно наблюдать в российской Государственной Думе, которую, к сожалению, никак нельзя назвать храмом права и законности. Особенно поражают циничные «политические торги».

Так, бывший представитель Президента РФ в Госдуме А. Котенков в одной из телепередач откровенно заявил: «Мы прекрасно знаем сильные и слабые стороны каждого депутата и с ним работаем». То есть,

³⁵ См.: Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004.

³⁶ Ильин И.А. Указ. соч. С. 58

депутатов просто покупали. Шла торговля властью. Переизбрание Ельцина в 1996 году было обеспечено с помощью немалых денег олигархов и за счет передачи им крупной собственности. Сложился рынок коррупционных сделок на законодательной ниве. Пресса писала и о том, что за голосование против импичмента Ельцину или уклонение от голосования депутатам платили по 30 тысяч долларов³⁷. Как тут не вспомнить изречение мудрых философов прошлого о принципиальной неотличимости безнравственного государства от банды разбойников.

В России сложились «теневая юстиция», «теневое правосудие», не говоря уже о «теневой экономике» и «теневой политике». Теневые отношения породили также и теневое право³⁸. В президентском Послании Федеральному Собранию 2001 года отмечалось, что «судебная власть в ряде случаев “приватизирована” местными чиновниками или даже криминальными группировками». Право оказалось в сложном положении. Не зря говорят: бизнес, криминал и власть – братья. А еще утверждают, что это горячая смесь.

Принципиальное значение имеет конструктивное взаимодействие права и политики в *экономической сфере*. Но как раз здесь право и политика на протяжении всего периода реформ не могли найти общего языка, а точнее, выступали самыми настоящими *антиподами*. Российская модель вхождения в рынок не имеет аналогов в истории. Это дало А.И. Солженицыну основание заявить: «Россия выкарабкивается из коммунистического болота самым нелепым путем»³⁹.

Приватизация проводилась не по законам, а по «понятиям», причем криминального свойства. Право было грубо отодвинуто в сторону, и оно оказалось бес-

сильным в своем противостоянии волюнтаристской, а следовательно, неправовой политике. Принимались «крутые» решения, без оглядок на право и закон, которые упорно молчали. В результате у нас и сейчас почти половина экономики – мафиозно-теневая, то есть находящаяся вне правового поля.

Сказанное предельно откровенно показано авторами книги «Приватизация по-русски», одна из глав которой так и называется «В поисках правового поля». Следовательно, вся эта грандиозная и в прямом смысле слова судьбоносная акция (во всем мире она была охарактеризована как «преступление века») проводилась противоправным, незаконным путем. Реформаторы первой волны не без некоторой доли бравады и цинизма признают: «На финише 1991 года стихийная приватизация уже бушевала вовсю. И по сути своей она означала разворовывание общенародной собственности. ... Суть спонтанной приватизации, пишут авторы далее, можно сформулировать двумя фразами: если ты наглый, смелый, решительный и много чего знаешь – ты получишь все; если ты не очень наглый и не очень смелый – сиди и молчи в тряпочку»⁴⁰. Как говорится, комментарии излишни. Правом здесь и не пахло. Его полностью подмяла под себя авантюрная политика шоковой терапии и рыночного «блицкрига».

Политика, политические институты, как правило, имеют правовую институционализацию, то есть, они возникают, существуют, функционируют на основе и в рамках права, правовых идей. Разумная, конструктивная, научно обоснованная политика не может быть антиправовой. В противном случае она рискует оказаться нелегитимной, противоречащей интересам народа, общества. Бытие политики тесно связано с бытием права. Размолвка между ними всегда чревата социальными катаклизмами, о чем свидетельствует вся современная история, в том числе российская.

Взаимодействие права и политики необходимо рассматривать не только на теоретико-методологическом уровне, но и в практически-прикладном плане, то есть проследить и анализировать конкретные формы проявления указанного взаимодействия в реальной жизни. А эти формы, грани бесконечно разнообразны и вместе с тем своеобразны. Например, в наши дни острейшие коллизии между правом и политикой возникают вокруг так называемых громких уголовных дел, получающих широкий общественный резонанс. Фигуранты этих дел (олигархи, бизнесмены, крупные

³⁷ Подробнее см.: Григорьев М. «Грязная» энциклопедия. Анализ практики российских и зарубежных избирательных кампаний // Советник. 1999. №10 (46); Тимофеев Л.Н. Институциональная коррупция. М., 2000; Коррупция в органах власти / Под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупруновой, А.И. Мизерня. Н. Новгород, 2001.

³⁸ См.: Скобликова П.В. «Теневая юстиция»: формы проявления и реализации // Российская юстиция, 1998, № 10; Попов Ю.И., Тарасов М.Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства. М., 2005; Исаев И.А. Скрытые аспекты власти. М., 2002; Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002.

³⁹ Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С.17.; См. также: Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1992; Поливанов В.П. Технология великого обмана. М., 1995; Максимов А.А. Бандитизм в белых воротничках: как разворовывали Россию. М., 1999; Шутов А.Д. На руинах великой державы. М., 2004; Богомолов О.Т. «Олигархизм» – специфический феномен постсоветской трансформации российской экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 2.

⁴⁰ Приватизация по-русски / под ред. А.Б. Чубайса. М., 1999. С. 29, 34.

госчиновники) в один голос заявляют, что возбужденные против них дела – *политически мотивированные* или имеют *политическую подоплеку*. Такого же мнения придерживаются их адвокаты, раздающие направо и налево интервью по этому поводу. Представители же следствия, правосудия, напротив, доказывают, что эти дела сугубо *юридические* и никакого отношения к политике не имеют. Где здесь истина?

Нам представляется, что она находится, как это часто бывает, где-то посередине, поскольку любое громкое, резонансное дело, будучи по своей природе юридическим, неизбежно приобретает также и политическое значение, чаще всего даже помимо воли тех, кто его ведет. Именно так все эти порой поспешные аресты, вызовы, допросы воспринимает общество, граждане, средства массовой информации. Не говоря уже об инспирированных, заказных делах, которые в принципе возможны. Власть может быть также заинтересована в исходе того или иного дела, хотя, как правило, отрицает свой интерес. А это – уже политика. Совершенно очевидно, что власть готова при определенных обстоятельствах использовать юридическую систему для сведения личных счетов со своими оппонентами.

Давление на правоохранительные органы нередко оказывается, и они, к сожалению, поддаются этому давлению. Не зря, например, Генпрокуратуру окрестили в свое время в прессе «творческой организацией» за ее непоследовательность, избирательность и колебания в «соответствии с линией партии» (открытие и закрытие уголовных дел, взятие под стражу и освобождение из-под нее, неоднократные изменения меры пресечения и т.д.). Такая оценка подходит и к Следственному комитету. Все это, кстати, дает определенным силам повод говорить о том, что у нас два правосудия: одно – для угодных, другое – для негодных. Соответственно, и суды выносят правовые решения и неправовые. Между тем давно было подмечено: нацию можно разложить двумя способами – не наказывать виновных и наказывать невиновных. У нас, к сожалению, встречается и то, и другое.

Многое во взаимоотношениях права и политики решается «за кадром», в тиши кабинетов, кулуарах и коридорах власти, в ходе «подковерной» борьбы. Это – закулисная теневая политика. Она характерна и для парламентской жизни, когда сталкиваются интересы различных партий, групп, сил, фракций, продвигаются нужные законы. Поэтому некоторые законы, принятые Государственной Думой, являются, как это совершенно очевидно, результатом политического компромисса. Процветает лоббирование. Далеко не все, что проис-

ходит в кулуарах Госдумы выходит на поверхность, становится достоянием гласности.

Законодательный процесс представляет собой по сути дела часть (момент, элемент) *политического процесса*. Оба они протекают, развиваются в едином русле, в рамках общих правил и процедур. В тех законопроектах, которые предлагаются Президентом и Правительством, прямо и непосредственно воплощаются политическая воля государства, его цели и задачи. Но и законы, разрабатываемые и принимаемые самой Думой, также выражают общий политический курс страны, волю народа.

Власть оказывает мощное воздействие на прохождение и даже голосование нужных ей актов. Вокруг наиболее важных законов разворачивается, как уже отмечалось, острая политическая борьба, противостояние. В период правления Ельцина постоянно шла причинившая огромный вред стране война законов и указов, конфронтация законодательной и исполнительной власти. Последствия этой войны ощущаются до сих пор. Это значит, что политика оказывает эффективное влияние на право уже на стадии его формирования. В известном смысле у нас постепенно складывается своего рода «политическое право».

Говоря же о естественном (нормальном) сочетании права и политики, еще раз подчеркнем, что многие законодательные акты имеют не только юридическое, но и очевидное политическое содержание. А такой из них, как Конституция РФ, прямо закрепляет основы государственной политики. Конституция есть не только юридический, но и важнейший политический документ. Да и все правовые нормы, исходящие от государства или им санкционируемые, являются в конечном счете проводниками его воли. В Конституции же право и политика получают свое наиболее концентрированное выражение.

Вместе с тем следует согласиться с мнением, что «в Конституции РФ отношения между политикой и правом установлены неидеально (мягко говоря – *Н.М.*): политика часто вступает в противоречие с правом, что порождает коллизии, негативно сказывается на положении в стране»⁴¹. Здесь важна констатация, что право связано с политикой, в том числе той, которая закреплена в Основном Законе государства. Поэтому было бы неправильно, в угоду новомодным веяниям, «отлучать» право от политики. Это другая крайность, в которую не следует впадать, преодолевая старые гре-

⁴¹ *Зиновьев А.В.* Концепция поправок в Конституции России // Правоведение. 2000. №4. С.47.

хи этатизма. А.И. Экимов справедливо заметил, что в конечном счете «аполитичность» права – это миф. «Неискушенные в политике люди думают, что существует некая чистая правовая истина, независимая от политических интересов»⁴². Право и политика связаны между собой прежде всего через власть.

Другое дело, что право, правосудие, законность, прокурорский надзор не должны приноситься в жертву политике, становиться ее «заложниками». Участие названных институтов в «политических разборках», что сейчас нередко происходит, основательно подрывает их престиж и гуманистическое предназначение. Они не могут служить своекорыстным интересам и амбициям очередных лидеров, партий, групп, выполнять различные социальные заказы. Непоправимой бедой был бы возврат к тому, от чего общество настойчиво стремится уйти – к политическому и идеологическому ангажированию идей права, которые не должны быть подвержены изменчивым политическим ветрам, сиюминутным выгодам. Право не должно быть в «услужении» политиков.

Вопрос о соотношении политики и права непростой. В его трактовке допускались и допускаются различного рода «уклоны», перекосы, конъюнктура. В частности, на протяжении десятилетий право рассматривалось у нас главным образом в утилитарно-прагматическом, «прикладном» ключе – как атрибут, инструмент, оружие, рычаг власти, способ юридического оформления партийно-политических решений, а не как самостоятельная общегуманитарная социальная и культурная ценность. Незыблемым был тезис о примате политики над правом, власти над законом. Культивировались идеи отмирания права.

С одной стороны, право представлялось как «факультет ненужных вещей» (Ю. Домбровский), а с другой оно на всю мощь использовалось в качестве средства насилия, принуждения. Эти две ипостаси права мирно уживались в рамках одной юридической системы. Карательная функция соседствовала с «воспитательной». На право одновременно смотрели как на рудимент и помеху и как на очень удобный, «законный» политический инструмент, «дубину» в борьбе с «врагами народа». В период сталинщины процветал и правовой нигилизм, и правовой тоталитаризм. Ведь «красное колесо» репрессий крутилось в юридических формах, разыгрывались показательные «театрализованные процессы» со всеми их атрибута-

ми, скрупулезным соблюдением соответствующих норм и процедур. Громко звучали призывы строго соблюдать «социалистическую законность». В 1927 году первый пролетарский нарком юстиции Д.И. Курский писал: «Пролетарское право – это по преимуществу система принудительных норм»⁴³. Такого же мнения придерживался и Вышинский, да и вся юридическая наука того времени.

Общественным сознанием усваивалась мысль о второстепенной и нерешающей роли права. Главное – это экономика, политика, идеология, партийная линия, а не какие-то там правовые ценности, законность. Право чаще всего воспринималось как приказ «начальства», указания политических вождей, предписания сверху. И в редких случаях – как институт, способный эффективно защитить гражданина от произвола, институт, стоящий на страже личности, ее чести, достоинства, безопасности. Тем более право не мыслилось в качестве силы, способной ограничить, «связать», «обуздать» саму власть; идеи правового государства тогда не признавались. Право было до предела политизировано и идеологизировано, все переводилось в классовую плоскость.

Если политика и идеология ставились во главу угла, то право служило лишь неким приложением, довеском, подпоркой; оно было призвано помогать обеспечивать очередную политическую кампанию. В соответствии со злобой дня легко возникали прямо противоположные тенденции и ситуации, когда либо политика мало общего имела с правом, либо право превращалось в голую политику. В стране фактически существовала политическая юстиция, политическое право⁴⁴.

Однако следует признать, что и сегодня политические соображения нередко берут верх над законом и законностью, а правовой нигилизм не только не преодолен, но и принял угрожающие масштабы. Формально провозглашены идеи правового государства, верховенства закона, приоритета прав человека, отвергнут принцип доминирующей роли политики и идеологии, но на деле до торжества права еще далеко. Существует не только правовой, но и государственный, политический и нравственный нигилизм в «одном флаконе».

Ощущается острый дефицит юридической культуры, низкий уровень правосознания. По-прежнему в большей степени политика влияет на право, чем право на политику. Между тем в идеале, как уже отмечалось,

⁴² Экимов А.И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. 1994. №12. С.10.

⁴³ Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1927. С. 67.

⁴⁴ См. подробнее: Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

они призваны естественно, гармонично взаимодействовать, а не противостоять друг другу как антиподы. Политика должна быть правовой, а право – способствовать проведению разумной государственной политики.

Право призвано играть роль эффективного стабилизатора политической жизни, выражать и защищать справедливость, служить преградой на пути волюнтаристских поползновений лидеров и чиновников всех рангов. Важно отрешиться от неправового мышления, научиться уважать право, закон, порядок. Древние римляне называли право искусством добра и справедливости. Это действительно так. И важно умело использовать те возможности и нравственный потенциал, которые заложены в данном институте, использовать не в качестве средства борьбы, а как средство политического компромисса, согласия, взаимопонимания. Именно правовые процедуры и механизмы должны быть задействованы для нахождения разумного консенсуса, путей мирного разрешения возникающих конфликтов. В основе права лежит мораль с ее учением о добре и зле⁴⁵.

Цель права – «установить совместную жизнь людей таким образом, чтобы на столкновение, взаимную борьбу, ожесточенные споры тратилось как можно меньше душевных сил»⁴⁶. Другой представитель русской юридической мысли – В.С. Соловьев определял право как «принудительное требование осуществления добра или порядка, не допускающего известного проявления зла»⁴⁷. Иными словами, право это мощная преграда на пути зла и в то же время проводник и заступник добра, всего лучшего в человеке.

Таким образом, при нормальном положении вещей право и политика вполне могут выступать как *союзники*, тесно взаимодействовать между собой, «сотрудничать», помогать друг другу в достижении общих целей. Это возможно в том случае, если политика находится и развивается в правовом русле, осуществляется правовыми средствами. Иными словами, можно говорить не только о праве в *политическом измерении*, но и о политике в *правовом измерении*. Право и политика должны развиваться в едином русле, идти рука об руку.

Должны... Но проблема заключается в том, что государство и право не выражают (не могут сегодня выразить) в полной мере волю, интересы, потребности,

ожидания общества. Более того, нередко политические решения и правовые акты власть принимает вопреки указанным настроениям, ее действия, поступки, меры идут вразрез с потребностями гражданского общества, его принципами. Поэтому тезис, согласно которому право якобы выражает государственную волю всего общества, некорректен. Очень многие слои населения не удовлетворены законами и политикой своей страны.

Библиография:

1. Кант И. К вечному миру. Соч. Т.6 ч.2. М., 1966.
2. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
3. Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2000.
4. Пашуканис Е.Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. 1930. №11/12.
5. Сандеуар П. Введение в право. Пер. с франц. М., 1994.
6. Матузов Н.И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право. 2001. №10.
7. Правовая политика России. Теория и практика / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., изд-во «Проспект», 2006.
8. Малько А.В. Теория правовой политики. М., изд-во «Юрлитинформ», 2012.
9. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
10. Матузов Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. №3.
11. Матузов Н.И. В плену правового идеализма // История. Право. Политика. 2011, №2.
12. Краснов М.А. Ответственность власти. М., 1997.
13. Козлихин И.Ю. Право и политика. СПб., 1996.
14. Демидов А.И. Мир политических ценностей // Правоведение. 1997. №4.
15. Мальцев Г.В. Право и политика в контексте теории власти. М., 1997.
16. Автономов А.С. Правовая онтология политики. М., 1999.
17. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость / Пер. с нем. М., 1994.
18. Ильин И.А. Собр. соч. в 4-х томах. М., 1994. Т.4.
19. Котляревский С.А. Власть и право. СПб., 2001.
20. Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах. Сборник статей по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899.

⁴⁵ См. подробнее: *Цыбулевская О.И.* Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004.

⁴⁶ *Ильин И.А.* Порядок или беспорядок? М., 1917. С. 24. См. также: *Цыбулевская О.И.* Мораль. Право. Власть. Саратов, 2004.

⁴⁷ *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899. С.36.

21. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993.
21. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991.
22. Кант И. Соч. Т. 4. Ч.2. М., 1965.
23. Монтескье Ш. О духе законов. М., 1956.
24. Сандеуар П. Введение в право. Пер. с фр. М., 1994.
25. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. №3.
26. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. 1994. №1.
27. Кива А. «По ком звонит колокол» // Парламентская газета. 2000. 6 окт.
28. Ципко А.С. Большевизм на новый лад // Независимая газета. 2013. 7 октября.
29. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1902.
30. Зорькин В.Д. Жить по праву // Советская Россия. 1996. 15 окт.
31. Вишневский Б. Экс-председатель Конституционного Суда // НГ. 1998. 31 марта.
32. Зорькин В.Д. Цивилизация права // Российская газета. 2014. 13 марта.
33. Зорькин В.Д. Tabula rasa // Российская газета. 2014. 8 апр.
34. Иванько Н.А., Торукало В.П.. Модель государственного управления в социальной сфере жизни современного российского общества // Политика и Общество. – 2013. – № 7. – С. 806-816. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.7439.
35. Исаков В.Б. Госпереворот. М., 1995.
36. Лучин В.О. «Указное право» в России. М., 1996.
37. А.А. Борисенков. Политические отношения – функции компонентов политического организма // Политика и Общество. – 2013. – № 5. – С. 536-544. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.1.
38. Федотов М. Ельцин уходит в историю // Известия. 1998. 24 июля.
39. Валовой Д.В. Ослепленные властью. М., 2002.
40. Шафилов В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004.
41. Григорьев М. «Грязная» энциклопедия. Анализ практики российских и зарубежных избирательных кампаний // Советник. 1999. №10 (46).
42. Тимофеев Л.Н. Институциональная коррупция. М., 2000.
43. Коррупция в органах власти / Под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупруновой, А.И. Мизерня. Н. Новгород, 2001.
44. Скобликова П.В. «Теневая юстиция»: формы проявления и реализации // Российская юстиция, 1998, № 10.
45. Попов Ю.И., Тарасов М.Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства. М., 2005.
46. Исаев И.А. Скрытые аспекты власти. М., 2002.
47. Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002.
48. Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998.
49. А.В. Безруков. Роль Президента России в механизме реализации конституционных принципов федерализма, единства государственной власти и разделения властей // Политика и Общество. – 2013. – № 3. – С. 263-269. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.2.
50. Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1992.
51. Поливанов В.П. Технология великого обмана. М., 1995.
52. Миронова Ю.В. Правовой нигилизм как фактор повышения эффективности законодательства // Политика и Общество. – 2013. – № 7. – С. 843-847. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.2476.
53. Максимов А.А. Бандитизм в белых воротничках: как разрывывали Россию. М., 1999.
54. Алейников А.В.. Особенности российской конфликтной модели: основания теоретического анализа // Политика и Общество. – 2013. – № 6. – С. 712-722. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.7729.
55. Шутов А.Д. На руинах великой державы. М., 2004.
56. Богомолов О.Т. «Олигархизм»-специфический феномен постсоветской трансформации российской экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 2.
57. Мильчакова О.В.. Конституционное правосудие на страже прав и свобод человека и гражданина // Политика и Общество. – 2013. – № 12. – С. 1528-1536. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10446.
58. Приватизация по-русски / под ред. А.Б. Чубайса. М., 1999.
59. Деметрадзе М.Р.. Социализация как способ самоактуализации индивида и роста человеческого фактора в России и на постсоветском пространстве // Политика и Общество. – 2013. – № 11. – С. 1398-1409. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.11.9545.
60. Зиновьев А.В. Концепция поправок в Конституции России // Правоведение. 2000. №4.
61. Экимов А.И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. 1994. №12.
62. Е.В. Грязнова. «Хрупкое» государство: критерии определения // Политика и Общество. – 2013. – № 1. – С. 57-65. DOI: 10.7256/1812 – 8696.2013.01.7.
63. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1927.
64. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

65. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004.
66. Ильин И.А. Порядок или беспорядок? М., 1917.
67. Цыбулевская О.И. Мораль. Право. Власть. Саратов, 2004.
68. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899.
69. Попова А.Д. Эволюция общественного сознания как фактор формирования гражданского общества // Политика и Общество. – 2013. – № 12. – С. 1423-1428. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10430
70. Никулин В.В. Правосудие и политика: соотношение политики и права в советской системе наказаний // NB: Исторические исследования. – 2013. – 5. – С. 1 – 59. DOI: 10.7256/2306-420X.2013.5.747. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_747.html
71. Гуляихин В.Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – 3. – С. 221 – 238. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.3.559. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_559.html
72. Мартынов А.В. Современное право и публичное управление: проблемы методологии и соотношения // NB: Экономика, тренды и управление. – 2013. – 4. – С. 1 – 15. DOI: 10.7256/2306-4595.2013.4.924. URL: http://www.e-notabene.ru/etc/article_924.html
73. Трофимов В.В. Участие структур гражданского общества в правообразующих правоотношениях как форма выражения народовластия // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – 5. – С. 147 – 170. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_364.html
9. Kudryavtsev V.N. Pravo i povedenie. M., 1978.
10. Matuzov N.I. Pravovoi idealizm kak «rodimoe pyatno» rossiiskogo obshchestvennogo soznaniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2006. №3.
11. Matuzov N.I. V plenu pravovogo idealizma // Istoriya. Pravo. Politika. 2011, №2.
12. Krasnov M.A. Otvetstvennost' vlasti. M., 1997.
13. Kozlikhin I.Yu. Pravo i politika. SPb., 1996.
14. Demidov A.I. Mir politicheskikh tsennostei // Pravovedenie. 1997. №4.
15. Mal'tsev G.V. Pravo i politika v kontekste teorii vlasti. M., 1997.
16. Avtonomov A.S. Pravovaya ontologiya politiki. M., 1999.
17. Kheffe O. Politika. Pravo. Spravedlivost' / Per. s nem. M., 1994.
18. P'in I.A. Sobr. soch. v 4-kh tomakh. M., 1994. T.4.
19. Kotlyarevskii S.A. Vlast' i pravo. SPb., 2001.
20. Gambarov Yu.S. Pravo v ego osnovnykh momentakh. Sbornik statei po obshchestvenno-yuridicheskim naukam. Vyp. 1. SPb., 1899.
21. P'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya. M., 1993.
21. Iering R. Bor'ba za pravo. M., 1991.
22. Kant I. Soch. T. 4. Ch.2. M., 1965.
23. Montesk'e Sh. O dukhe zakonov. M., 1956.
24. Sandevuar P. Vvedenie v pravo. Per. s fr. M., 1994.
25. Kudryavtsev V.N. O pravoponimanii i zakonnosti // Gosudarstvo i pravo. 1994. №3.
26. Tikhomirov Yu.A. Yuridicheskaya kolliziya: vlast' i pravoporyadok // Gosudarstvo i pravo. 1994. №1.
27. Kiva A. «Po kom zvonit kolokol» // Parlamentskaya gazeta. 2000. 6 okt.
28. Tsipko A.S. Bol'shevizm na novyi lad // Nezavisimaya gazeta. 2013. 7 oktyabrya.
29. Novgorodtsev P.I. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. M., 1902.
30. Zor'kin V.D. Zhit' po pravu // Sovetskaya Rossiya. 1996. 15 okt.
31. Vishnevskii B. Eks-predsedatel' Konstitutsionnogo Suda // NG. 1998. 31 marta.
32. Zor'kin V.D. Tsivilizatsiya prava // Rossiiskaya gazeta. 2014. 13 marta.
33. Zor'kin V.D. Tabula rasa // Rossiiskaya gazeta. 2014. 8 apr.
34. Ivan'ko N.A., Torukalo V.P. Model' gosudarstvennogo upravleniya v sotsial'noi sfere zhizni sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 7. – S. 806-816. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.7439.
35. Isakov V.B. Gosperevorot. M., 1995.

References (transliteration):

1. Kant I. K vechnomu miru. Soch. T.6 ch.2. M., 1966.
2. Trubetskoi E.N. Entsiklopediya prava. SPb., 1998.
3. Politiko-pravovye tsennosti: istoriya i sovremennost' / Pod red. V.S. Nersesyantsa. M., 2000.
4. Pashukanis E.B. Polozhenie na teoreticheskom pravovom fronte // Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava. 1930. №11/12.
5. Sandevuar P. Vvedenie v pravo. Per. s frants. M., 1994.
6. Matuzov N.I. Aktual'nye problemy rossiiskoi pravovoi politiki // Gosudarstvo i pravo. 2001. №10.
7. Pravovaya politika Rossii. Teoriya i praktika / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. M., izd-vo «Prospekt», 2006.
8. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoi politiki. M., izd-vo «Yurlitinform», 2012.

36. Luchin V.O. «Ukaznoe pravo» v Rossii. M., 1996.
37. A.A. Borisenkov. Politicheskie otnosheniya – funktsii komponentov politicheskogo organizma // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 5. – S. 536-544. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.1.
38. Fedotov M. El'tsin ukhodit v istoriyu // Izvestiya. 1998. 24 iyulya.
39. Valovoi D.V. Osleplennye vlast'yu. M., 2002.
40. Shafirov V.M. Estestvenno-pozitivnoe pravo: vvedenie v teoriyu. Krasnoyarsk, 2004.
41. Grigor'ev M. «Gryaznaya» entsiklopediya. Analiz praktiki rossiiskikh i zarubezhnykh izbiratel'nykh kampanii // Sovetnik. 1999. №10 (46).
42. Timofeev L.N. Instruktsional'naya korruptsiya. M., 2000.
43. Skoblikova P.V. «Tenevaya yustitsiya»: formy proyavleniya i realizatsii // Rossiiskaya yustitsiya, 1998, № 10.
44. Popov Yu.I., Tarasov M.E. Tenevaya ekonomika v sisteme rynochnogo khozyaistva. M., 2005.
45. Isaev I.A. Skrytye aspekty vlasti. M., 2002.
46. Baranov V.M. Tenevoe pravo. N. Novgorod, 2002.
47. Solzhenitsyn A.I. Rossiya v obvale. M., 1998.
48. A.V. Bezrukov. Rol' Prezidenta Rossii v mekhanizme realizatsii konstitutsionnykh printsipov federalizma, edinstva gosudarstvennoi vlasti i razdeleniya vlastei // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 3. – S. 263-269. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.2.
49. Valovoi D.V. Ekonomika absurdov i paradoksov. M., 1992.
50. Polivanov V.P. Tekhnologiya velikogo obmana. M., 1995.
51. Mironova Yu.V.. Pravovoi nigilizm kak faktor povysheniya effektivnosti zakonodatel'stva // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 7. – S. 843-847. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.2476.
52. Maksimov A.A. Banditizm v belykh vorotnichkakh: kak razvorovyvali Rossiyu. M., 1999.
53. Aleinikov A.V.. Osobennosti rossiiskoi konfliktnoi modeli: osnovaniya teoreticheskogo analiza // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 6. – S. 712-722. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.7729.
54. Shutov A.D. Na ruinakh velikoi derzhavy. M., 2004.
55. Bogomolov O.T. «Oligarkhizm»-spetsificheskii fenomen postsovetsovoi transformatsii rossiiskoi ekonomiki // Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2004. № 2.
56. Mil'chakova O.V.. Konstitutsionnoe pravosudie na strazhe prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 12. – S. 1528-1536. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10446.
57. Demetradze M.R.. Sotsializatsiya kak sposob samoaktualizatsii individa i rosta chelovecheskogo faktora v Rossii i na postsovetsovom prostranstve // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 11. – S. 1398-1409. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.11.9545.
58. Zinov'ev A.V. Kontseptsiya popravok v Konstitutsii Rossii // Pravovedenie. 2000. №4.
59. Ekimov A.I. Politicheskie interesy i yuridicheskaya nauka // Gosudarstvo i pravo. 1994. №12.
60. E.V. Gryaznova. «Khrupkoe» gosudarstvo: kriterii opredeleniya // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 1. – S. 57-65. DOI: 10.7256/1812 – 8696.2013.01.7.
61. Kurskii D.I. Izbrannye stat'i i rechi. M., 1927.
62. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. Politicheskaya yustitsiya v SSSR. M., 2000.
63. Tsybulevskaya O.I. Nравstvennye osnovaniya sovremennogo rossiiskogo prava. Saratov, 2004.
64. Il'in I.A. Poryadok ili besporyadok? M., 1917.
65. Tsybulevskaya O.I. Moral'. Pravo. Vlast'. Saratov, 2004.
66. Solov'ev V.S. Pravo i нравstvennost'. Ocherki iz prikladnoi etiki. SPb., 1899.
67. Popova A.D.. Evolyutsiya obshchestvennogo soznaniya kak faktor formirovaniya grazhdanskogo obshchestva // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 12. – S. 1423-1428. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10430
68. Nikulin V.V. Pravosudie i politika: sootnoshenie politiki i prava v sovetskoj sisteme nakazanii // NB: Istoricheskie issledovaniya. – 2013. – 5. – С. 1 – 59. DOI: 10.7256/2306-420X.2013.5.747. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_747.html
69. Gulyaikhin V.N. Dialektika estestvennogo i pozitivnogo prava kak istochnik obshchestvenno-pravovogo progressa // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – 3. – С. 221 – 238. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.3.559. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_559.html
70. Martynov A.V. Sovremennoe pravo i publichnoe upravlenie: problemy metodologii i sootnosheniya // NB: Ekonomika, trendy i upravlenie. – 2013. – 4. – С. 1 – 15. DOI: 10.7256/2306-4595.2013.4.924. URL: http://www.e-notabene.ru/etc/article_924.html
71. Trofimov V.V. Uchastie struktur grazhdanskogo obshchestva v pravoobrazuyushchikh pravootnosheniyakh kak forma vyrazheniya narodovlastiya // NB: Voprosy prava i politiki. – 2012. – 5. – С. 147 – 170. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_364.html